

ДИСКУССИЯ

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ИСКУССТВА

УДК 903.27

Ю.Н. Есин¹, Ю.И. Ожередов²

¹Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории
ул. Щетинкина, 23, Абакан, 655017, Россия
E-mail: esin2006@yandex.ru

²Томский государственный университет
пр. Ленина, 36, Томск, 634050, Россия
E-mail: nohoister@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ Г-ОБРАЗНЫХ ПРЕДМЕТОВ С УРАЛА, ИЗ ЗАПАДНОЙ И ЮЖНОЙ СИБИРИ, КАЗАХСТАНА И МОНГОЛИИ*

Статья посвящена комплексному исследованию предметов Г-образной формы из камня и глины, найденных на Урале, в Западной и Южной Сибири, Казахстане и Монголии. Предложена номенклатура терминов и признаков для единообразного описания и сравнения таких находок. Установлено, что они использовались представителями разных культурных сообществ в конце IV – начале II тыс. до н.э. Проанализированы тенденции исторического развития Г-образных предметов. Высказано предположение, что генезис предметов такого типа происходил на основе песты и связан с территорией Центральной Азии. Анализ признаков изношенности, декора, размера, материала позволил сделать вывод о функциях данной категории изделий: главная из них – растирание растительных продуктов, хотя параллельно они применялись для растирания и дробления и других материалов; предметы использовались как в хозяйственных, так и в ритуальных целях. Изучение изображений на Г-образных предметах с позиции структурно-семиотического подхода позволило реконструировать некоторые аспекты осмысления этих изделий.

Введение

Среди археологических находок существуют такие, которые на протяжении многих лет вызывают столкновение различных, порой диаметрально противоположных, гипотез и мнений. К их числу, несомненно, принадлежат загадочные предметы из камня и глины (некоторые являются произведениями искусства своей эпохи), найденные в лесостепной и степной полосе Азии от Урала на западе до Монголии на востоке. Наглядное подтверждение такой их оценки – отсутствие даже общепринятого

названия. В археологической литературе их называют «лощила», «утюжки», «гладилки», «рукояточные утюжки», «утюжки-фаллосы», «зернотерки в форме сапога», «сапожковидные терочники», «песты в виде башмачной колодки», «Г-образные предметы» и т.д. На наш взгляд, наиболее корректным из существующих наименований является последнее, характеризующее форму, а не ту или иную интерпретацию. Каждый такой предмет состоит из двух частей, образующих угол: основания, полукруглого или подтреугольного в сечении, и стержня, округлого или овального в сечении. Стержень отходит от одного из краев основания в противоположную от его плоской грани сторону, по отношению к которой он расположен перпендикулярно или наклонно (рис. 1). С изучением Г-образных предметов связан

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 07-01-63507а/Т) и Совета по грантам Президента РФ (МК-1015.2007.6).

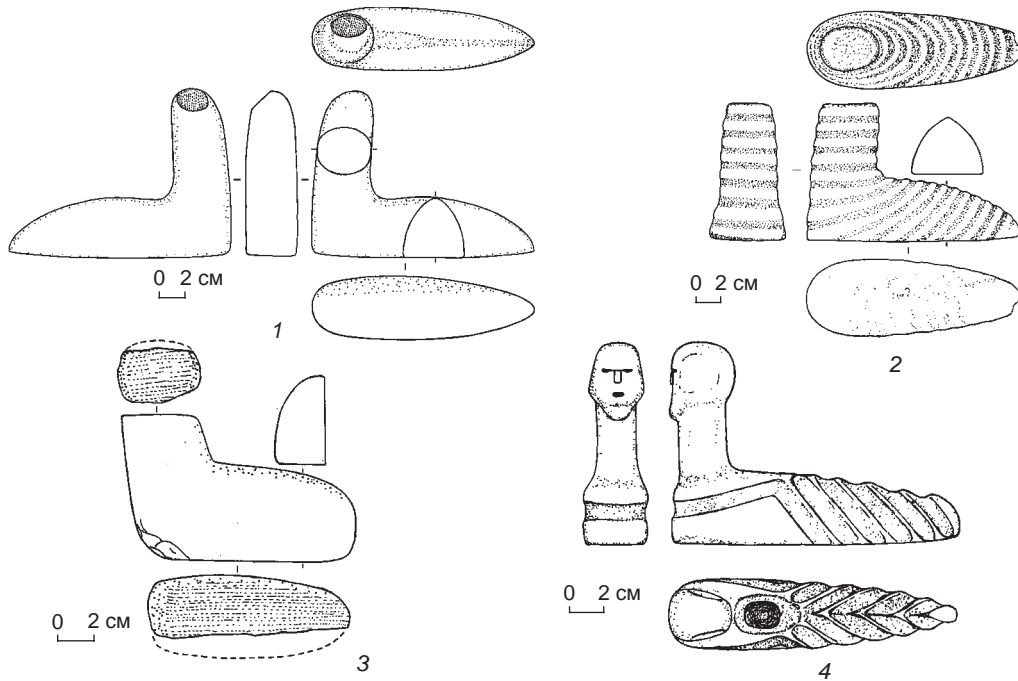

Рис. 1. Материалы самусьской культуры.
1–3 – Самусь-4 (фонды МАЭС ТГУ); 4 – пос. Дзержинский (фонды ТОКМ).

целый ряд проблем: культурно-хронологической атрибуции, функции, типологии, семантики и прагматики декора. Их комплексному рассмотрению и посвящена предлагаемая статья.

Культурные контексты и хронология находок

В ходе исследования учтен 51 предмет. Из них 31 связан с самусьской археологической культурой Приобья, принадлежащей к сейминско-турбинскому культурному кругу (рис. 1, 2): 29 обнаружено на поселении Самусь-4 (Томский р-н Томской обл.) [Матюшенко, 1973а, с. 23; Боброва, 2000, с. 21]; еще по одному найдено в пос. Дзержинском (Томский р-н Томской обл.) и на поселении Завьялово-1а в устье р. Каракан (Искитимский р-н Новосибирской обл.) [Матюшенко, 1973а, с. 10, рис. 54, 3; Молодин, 1977, табл. LXXX, 1]. В последнее время на основании калиброванных радиоуглеродных дат памятники сейминско-турбинского круга Сибирского и Волго-Уральского регионов датируются концом III – началом II тыс. до н.э. [Кирушин, 2002, с. 80–82; Грушин, 2004, с. 160; Молодин, 2001, с. 123; Епимахов, Хэнкс, Ренфрю, 2005, рис. 3]. Не позднее начала II тыс. до н.э. сформировалась и самусьская культура [Есин, 2004, с. 19].

Четыре предмета, изготовленные из глины, связаны с кротовской культурой Прииртышья, тоже принадле-

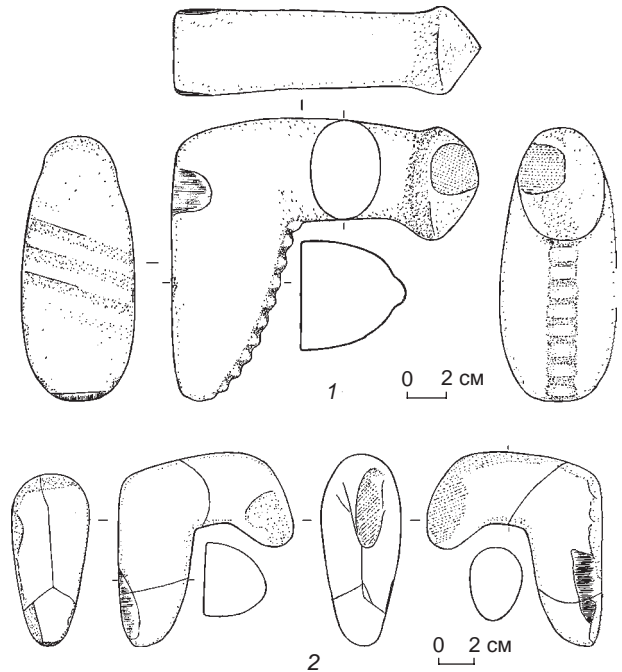

Рис. 2. Предметы со «стесами» на основании, Самусь-4 (фонды МАЭС ТГУ).

жащей к сейминско-турбинскому кругу. Они обнаружены на культовом месте Туруновка-4 на р. Каме и в могильнике Сопка-2 в устье р. Тартас (Венгеровский р-н Новосибирской обл.) [Молодин, 1985, рис. 36, 11–14].

Шесть Г-образных предметов найдены в южной части бассейна р. Оби. Один из них (рис. 3, 1) обнаружен в погребении мужчины особого общественного статуса, датируемом IV тыс. до н.э., на могильнике неолитической кузнецко-алтайской культуры Солонцы-5 на левом берегу р. Бии (Красногорский р-н Алтайского края) [Кунгурова, 2003, с. 35–36]. Другой предмет найден на поселении афанасьевской культуры Нижняя Соору возле с. Кулада (Республика Горный Алтай) и может датироваться III тыс. до н.э. [Ларин, Кунгурова, Степанова, 1998, с. 68–69] (рис. 3, 2). Еще один происходит из слоя большемысской культуры поселения Тьткескень-6 в устье р. Тьткескень (Республика Горный Алтай) и, вероятно, тоже относится к III тыс. до н.э. [Кирюшин, Кунгуров, 1994] (рис. 3, 3). Три предмета на Алтае обнаружены случайно: два из коллекции Н.С. Гу-

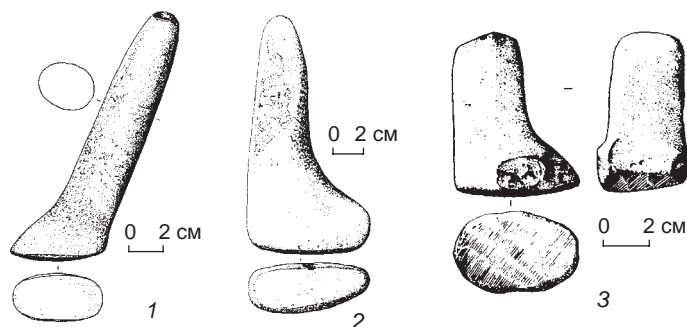

Рис. 3. Находки из южной части бассейна р. Оби.

1 – Солонцы-5 [Кунгурова, 2003, рис. 8, 3]; 2 – Нижняя Соору [Ларин, Кунгурова, Степанова, 1998, рис. 1, 6]; 3 – Тьткескень-6 [Кирюшин, Кунгуров, 1994, рис. 6, 1].

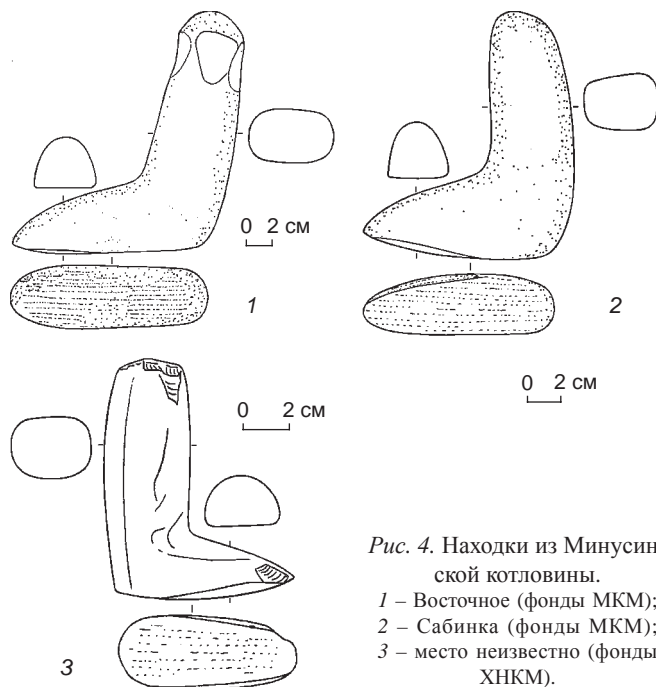

Рис. 4. Находки из Минусинской котловины.

1 – Восточное (фонды МКМ);
2 – Сабинка (фонды МКМ);
3 – место неизвестно (фонды ХНКМ).

ляева [Кирюшин, 2002, с. 55, рис. 126, 5], один найден возле с. Зеркалы Э.М. Медниковой [Матющенко, 1973а, с. 11, рис. 54, 4; Кирюшин, 2002, с. 55, рис. 126, 4]. По мнению Ю.Ф. Кирюшина [2002, с. 48–55], эти находки могут относиться к елунинской культуре, входящей, наряду с самусьской и кротовской, в сейминско-турбинский круг. Однако отсутствие Г-образных предметов на раскопанных елунинских памятниках пока не позволяет быть в этом уверенным. Близость размеров находок из коллекции Гуляева и с поселения Нижняя Соору не исключает их связь и с афанасьевцами.

Четыре предмета происходят из южной части Минусинской котловины: фрагмент основания обнаружен на поселении афанасьевской культуры Тепсей-10 (Красноярский р-н Красноярского края) [Грязнов, Комарова, 1979, с. 24–25, рис. 14, 5], остальные найдены случайно (рис. 4). Близость длины основания и наклона стержня этих находок к параметрам предмета с поселения Тепсей-10 позволяет предположить, что они тоже изготовлены афанасьевцами.

Ряд Г-образных предметов обнаружен в Казахстане. Три из них связаны с памятниками неолитической терсекской культуры III тыс. до н.э.: на поселении Бестамак (Аулиекольский р-н Кустанайской обл.) найдено отбитое основание и целый экземпляр*; еще одно основание находилось в терсекском погребении женщины [Колбина и др., 2006, с. 397]. Недалеко от поселения Бестамак случайно был найден еще один Г-образный предмет, несколько отличающийся от терсекских (рис. 5, 1). Он выделяется коротким основанием и по пропорциям сходен с предметом, случайно найденным на Южном Урале возле горы Чека (Кизильский р-н Челябинской обл.) (рис. 5, 2). Особенностью последнего является оформление стержня в виде головы лошади, манера изображения которой близка сейминской изобразительной традиции, представленной на бронзовых предметах, каменной скульптуре, петроглифах [Пяткин, Миклашевич, 1990, с. 146–153; Кирюшин, 2002, с. 56]. Этот факт может служить основанием для датировки обеих находок.

Г-образный предмет найден на Среднем Урале, на поселении Коптяки-9 (рис. 5, 3) на оз. Исетском (Свердловская обл.) [Косарев, 1981, рис. 28, 15; Ченченкова, 2004а, № 139]. По мнению М.Ф. Косарева [1981, с. 84], он связан с сейминско-турбинской эпохой и, возможно, отражает контакты уральского и са-

* Авторы выражают большую признательность С.С. Калиевой за предоставленную информацию о находках.

мусьского населения. В пользу его предположения свидетельствует то, что четыре уголка на стержне предмета с памятника Коптяки-9 аналогичны структуре декора на основании предмета из пос. Дзержинского; сопоставимы также ямки на их основаниях.

К кругу рассматриваемых предметов относится случайная находка из Монголии, характеризующаяся коротким основанием и утолщением на вершине стержня. По мнению Э.А. Новгородовой [1989, рис. 15], ее можно датировать неолитом.

Опубликованные, но недостаточные информативные сведения еще о нескольких Г-образных предметах [Дмитриев, 1935, с. 214; Спицын, 1915, рис. 30; и др.], в т.ч. из более восточных районов [Окладников, 1970, с. 6], к анализу не привлекались.

В целом контексты обнаружения Г-образных предметов на Урале, в Казахстане, Западной и Южной Сибири, Монголии свидетельствуют об их использовании населением разных культурных сообществ в IV – первой половине II тыс. до н.э.

Сравнительный анализ и вопросы исторического развития

Сравнение находок позволяет выявить важные для этого типа исторических источников признаки.

Материал: основная часть предметов изготовлена из камня (преобладающим сырьем послужило несколько его разновидностей – от твердых гранитоидов до мягких осадочных пород), но среди кротовских известны только глиняные.

Обработка: большинство предметов создано искусственно, но среди материалов поселения Самусь-4 имеются речные гальки естественной Г-образной формы, лишь слегка подработанные или совсем без обработки.

Размер: из общего числа выделяются кротовские находки, представленные пока только миниатюрными предметами; такие же имеются и среди самусьских материалов.

Пропорции: у предмета неолитического времени (Солонцы-5) основание по отношению к стержню едва выделено; близкие пропорции у находок из Северного Казахстана (возле поселения Бестамак) и Южного Урала (Чека); у предметов с поселения афанасьевской культуры Нижняя Соору и из коллекции Н.С. Гуляева длина стержня почти в 2 раза больше, чем основания; менее резкая диспропорция в поль-

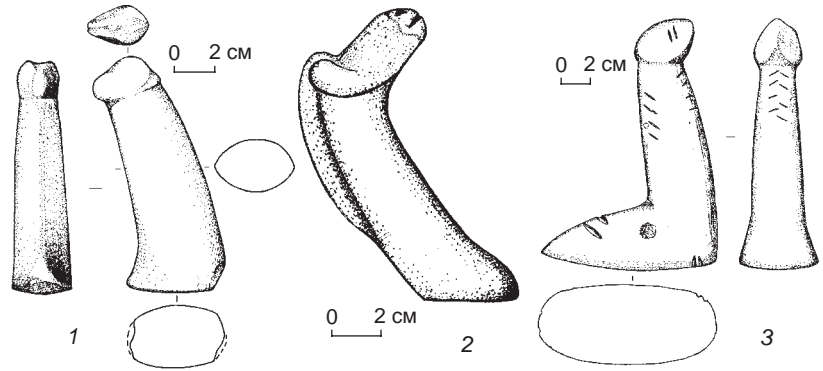

Рис. 5. Находки из Казахстана и с Урала.
1 – около поселения Бестамак [Ченченкова, 2004а, № 138]; 2 – Чека [Там же, № 137]; 3 – Коптяки-9 [Там же, № 139].

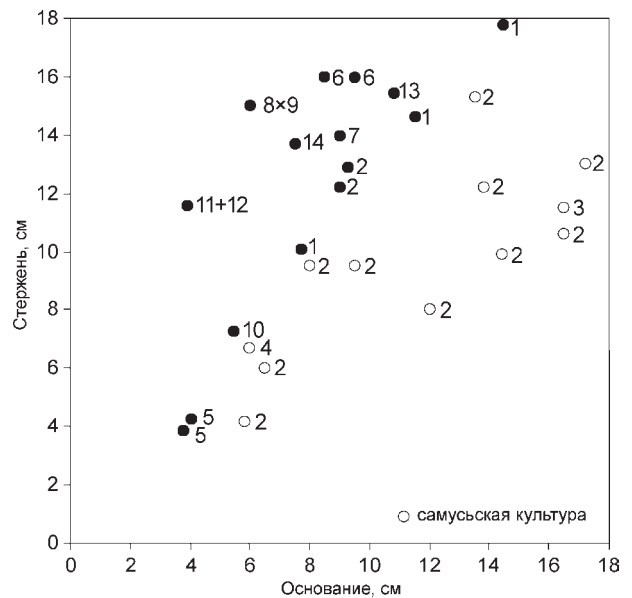

Рис. 6. Отношение длины стержня к длине основания Г-образных предметов:

1 – Минусинская котловина (средний коэффициент – 1,2); 2 – Самусь-4 (средний коэффициент – 0,9); 3 – пос. Дзержинский (коэффициент – 0,7); 4 – Завьялово-1а (коэффициент – 1,1); 5 – Туруновка-4 (коэффициент – 1); 6 – коллекция Гуляева (средний коэффициент – 1,8); 7 – Зеркалы (коэффициент – 1,5); 8 – Солонцы-5 (коэффициент – 2,6); 9 – Нижняя Соору (коэффициент – 2); 10 – Тьткескен-6 (коэффициент – 1,3); 11 – Чека (коэффициент – 3); 12 – около поселения Бестамак (коэффициент – 2,3); 13 – Коптяки-9 (коэффициент – 1,4); 14 – Бестамак (коэффициент – 1,8).

зу стержня у находок из Минусинской котловины и с памятника Коптяки-9; у кротовских обе части примерно равны; у самусьских длина стержня, как правило, меньше, чем основания; предметы самусьской культуры и найденные в Минусинской котловине свидетельствуют об устойчивости пропорций в рамках серий при различии абсолютных размеров и наличии отдельных отклонений (рис. 6).

Изношенность: у находок, относящихся к эпохам неолита и энеолита, она хорошо выражена на плоской грани основания; у предметов бронзового века может быть выражена слабо или вовсе отсутствовать на этой грани, может находиться на вершине стержня.

Оформление: выделяются не менее десяти изобразительных элементов, использованных в оформлении; наиболее распространено утолщение на вершине стержня, которое у исследователей традиционно вызывает ассоциацию с головкой фаллоса, но иногда оно имеет облик головы человека или животного; изображения на основании известны только у предметов самусьской и кротовской культур, а также с памятника Коптяки-9 (см. таблицу).

Окрашенность: на ряде самусьских находок фиксируются следы красной краски различных оттенков, от розового до темно-вишневого (возможно, охра и гематит), и сажи; красная краска обнаружена на предмете из окрестностей поселения Бестамак.

В целом различия Г-образных предметов демонстрируют определенные закономерности, связанные с их территориальной, культурной и хронологической принадлежностью.

В контексте проблемы генезиса данных изделий специального внимания заслуживает гипотеза о сходстве самусьских Г-образных предметов со скульптурными изображениями сидящих женщин у древнеземледельческого населения Туркмении и Анатолии [Славнин, 1978, с. 16; Ченченкова, 1995, с. 12; Кирюшин, 2004, с. 36]. Косвенным аргументом в ее пользу служит наличие южных связей как у самусьской, так и у других упомянутых выше культур Урала и Сибири.

Изобразительные элементы на Г-образных предметах

Элементы	Кол-во предметов с определенными элементами	
	на стержне	на основании
Округлое утолщение	2 (5)	–
Одинарный короткий желобок	(1)	–
Элементы головы человека	2	–
Элементы головы животного	1 (3)	–
Поперечные желобки и валики	1	1
Наклонные насечки	(1)	(1)
Уголки из желобков или насечек	(1)	1
Валик из зубцов	–	3
Волнистая линия с черточками по бокам	–	(1)
Овальное или округлое углубление	–	1 (1)

Примечание: цифры без скобок – данные по самусьской серии, в скобках – по другим находкам.

В частности, происхождение социально доминирующего компонента сейминско-турбинских коллективов, вероятно, связано с Тянь-Шанем и Западным Алтаем [Черных, Кузьминых, 1989, с. 250–251; Есин, 2004, с. 21]. Признаки южно-европеоидного средиземноморского антропологического типа нашли отражение на основной части самусьской скульптуры, он же представлен в самусьском и елунинском антропологическом материале [Дремов, 1984; 1997, с. 66].

Афанасьевская культура характеризуется европеоидным антропологическим типом и производящим хозяйством; значительная часть ее ареала расположена южнее и западнее Минусинской котловины и Горного Алтая. Проблема ее происхождения должна рассматриваться в контексте процесса возникновения и распространения скотоводства [Хлопин, 1999, с. 81].

Южный компонент, близкий древним формам южной ветви древнесредиземноморской европеоидной расы, зафиксирован у носителей кузнецко-алтайской культуры. Первоначальная территория его распространения неизвестна, но предполагается, что ближайшим входившим в нее районом мог быть юг Казахстана [Дремов, 1980, с. 41; Кирюшин, Кунгурова, Кадиков, 2000, с. 55–58]. Аналогичный компонент, наряду с афанасьевским, выделяют в материалах большемысской культуры [Кирюшин, 2002, с. 36–37].

Таким образом, распространение на Урале, в Западной и Южной Сибири предметов Г-образной формы связано с проникновением на север различных групп населения с более южных, центрально-азиатских территорий, которое началось в неолите и продолжалось в эпоху бронзы. Тем не менее гипотеза о сходстве этих предметов со скульптурными изображениями женщин, найденными в Туркмении и Анатолии, не может быть принята. Она была основана всего на двух аргументах: женские фигурки тоже имеют Г-образную форму; на стержне самусьского предмета из пос. Держинского изображена голова человека. Однако остальные признаки этих изделий различаются: Г-образные предметы лишены антропоморфного облика; у изображений женщин и голов на таких предметах лица развернуты в противоположные стороны; у фигурок отсутствуют характерные для Г-образных предметов следы изношенности, что свидетельствует об ином использовании. Еще важнее, что наиболее ранние находки из бассейна Оби (Солонцы-5, Нижняя Соору, Тьткескен-6) и с Тургайского плато (терсекская культура), у которых в контексте данной гипотезы можно было бы ожидать наибольшей антропоморфности, совершенно ее лишены.

Форма ранних предметов отличается коротким основанием, что указывает на их генезис на базе песта. Видимо, возрастание объемов растирания и необходимость повышения его производительности мотивировали увеличение площади рабочей поверхности

орудия и переход от круговых движений к прямолинейным. Данная гипотеза подкрепляется характером оформления Г-образных предметов. В количественном и территориальном отношении наиболее распространенным является придание стержню фаллической формы. На лингвистическом материале установлена зависимость между частотой употребления знака и его «возрастом», применимая к любой эволюционирующей знаковой системе [Сенчилов, 2000, с. 30]. Поскольку декор изучаемых предметов тоже является такой системой, фаллическое оформление следует признать исторически наиболее ранним и базовым для Г-образных предметов. Это также указывает на высокую вероятность их генезиса на основе трансформации песта, т.к. фаллос и пест имеют сильную древнюю ассоциативную связь, что подтверждается очень большим количеством пестов, форма которых уподоблена фаллосу [Ченченкова, 2004а, № 99–108; Аванесова, 2004, рис. 1, 1–4; 2, 7; и др.].

Опираясь на хронологию памятников, можно наметить некоторые тенденции исторического изменения Г-образных предметов. Вероятно, для наиболее древних из них было характерно короткое основание, которое постепенно удлинялось, достигнув максимальных размеров в эпоху бронзы. Исключением являются две находки, датируемые бронзовым веком, из Северного Казахстана и с Южного Урала (см. рис. 5, 1, 2), пропорции которых близки архаичным. Наиболее ранним оформлением Г-образных предметов было придание стержню фаллической формы. В эпоху бронзы декор усложнился, появились изобразительные элементы, моделирующие голову человека или животного, растение и др. При этом изделия с простым оформлением не исчезли, их продолжали создавать и использовать. Для ранних предметов характерна значительная изношенность нижней грани основания. У находок, относящихся к эпохе бронзы, она может быть на основании выражена слабо или даже отсутствовать, зато прослеживается на стержне. Появляются миниатюрные Г-образные предметы, в т.ч. глиняные, не имеющие хозяйственного значения. Все это отражает усложнение и начавшуюся дифференциацию социальных функций таких изделий. Перемены в хозяйстве, в частности распространение более производительных двуручных зернотерок иной конструкции, и мировоззрения, произошедшие в эпоху развитой и поздней бронзы, приводят к прекращению их изготовления и использования.

Функция

Существует несколько гипотез о назначении Г-образных предметов. Согласно одной из них, базирующейся на залощенности плоской стороны основания, они использовались для разглаживания швов на кожаной

одежде подобно утюгу [Спицын, 1915, с. 236–238; Кирюшин, Кунгуров, 1994, с. 112], по другой, основанной на том же признаке, – для растирания зерна [Дмитриев, 1935, с. 213; Косарев, 1981, с. 103; Ченченкова, 2004а, с. 10]; стержень предмета служил рукоятью. Третья гипотеза связывает назначение этих изделий с горно-металлургическими и металлообрабатывающими операциями, допуская использование в качестве абразива, молоточка, терочной плитки [Вальков, 1997, с. 111–112; Ларин, Кунгурова, Степанова, 1998, с. 68]. Основной ее аргумент – обнаружение данных предметов на памятниках, демонстрирующих высокоразвитое бронзолитейное производство, – нельзя признать убедительным, особенно с учетом наличия таких находок в материалах эпохи неолита. Четвертая гипотеза построена на неутилитарных признаках Г-образных предметов, в частности фаллической форме их стержня, и связывает их с обрядовой сферой, причем рукоятью в этом случае могло служить основание [Матющенко, 1973б, с. 196; Матющенко, Шерстобитова, 2004, с. 223; Молодин, 1985, с. 73; Ожередов, 1999, с. 108; Гусев, 1999, с. 227; Балакин, Шерстобитова, 2005, с. 60]. Согласно пятой гипотезе, основанной на привлечении сведений о гончарном производстве в Индии, Г-образные предметы могли использоваться в качестве наковальни, помещаемой внутрь керамического сосуда при выбивании стенок деревянной лопаткой [Славнин, 1978, с. 16–17]. Этой гипотезе противостоит несколько фактов: длинный стержень делает предмет неудобным для такого применения; на сосудах соответствующих следов формовки не выявлено; не согласуется с предложенной интерпретацией и изношенность на основании и стержне. Предположение о сходстве Г-образных предметов с женскими фигурками уже было проанализировано выше. В целом среди перечисленных гипотез реальные основания имеют лишь те, которые базируются на признаках самих изделий и контексте их бытования. Расхождения между ними обусловлены разным вниманием к отдельным признакам этих изделий и недостаточным учетом остальных.

Для дальнейшего изучения Г-образных предметов необходим новый анализ источников. Наибольший информативный потенциал у самусьской серии. Она выделяется как по количеству предметов, так и по числу характеризующих их признаков. Кроме того, анализ в рамках однокультурной серии методологически наиболее корректен. Поэтому именно предметы самусьской культуры выбраны в качестве основного объекта изучения в данной статье; остальные находки привлекаются как дополнительный материал. Предметы будут проанализированы с позиции структурно-семиотического подхода, ориентированного на использование внутренних информативных возможностей.

Среди признаков, отражающих использование Г-образных предметов, наиболее типична изношен-

ность плоской грани основания. Изучение этой изношенности у предметов с поселения Самусь-4, из Минусинской котловины, могильника Солонцы-5 [Кунгурова, 2003, с. 36] показало, что она характеризуется двумя основными признаками: 1) заполированностью поверхности, сглаженностью имевшихся неровностей (ямки, трещины, выступы); 2) тонкими и слабыми продольными царапинами, связанными с прямолинейными возвратно-поступательными движениями предмета, при которых стержень был рукоятью. Такая изношенность могла образоваться от соприкосновения с мягким органическим материалом. Она похожа на заполированность рабочей поверхности курантов зернотерок [Семенов, 1969, с. 9] и свидетельствует в пользу гипотезы об использовании Г-образных предметов для растирания растительных продуктов. Очень важно, что данное объяснение подтверждается растительным декором на основании ряда изделий. На плоской грани основания двух самусьских предметов имеются неглубокие поперечные желобки (см. рис. 2, 1). Они сопоставимы с поперечными насечкам на поверхности зернотерок, наносившимися для более эффективного растирания [Там же]. Залощенность от растирания имеется на основании и миниатюрных предметов с поселения Самусь-4. Однако эффект их применения не мог иметь хозяйственного значения. У ряда самусьских Г-образных предметов изношенность наблюдается не на основании, а на конце стержня (см. рис. 1, 1, 3; 2). С хозяйственной точки зрения, растирание стержнем, имевшим небольшую площадь рабочей поверхности, как и миниатюрными предметами, неэффективно. Оно, несомненно, связано с обрядовой сферой. На основании предмета из пос. Дзержинского имеется овальное углубление, которое могло использоваться для наполнения чем-то, растирания или смешивания каких-то компонентов. Не исключено, что функциональное значение в контексте обряда имели и желобки на основании этого предмета, а также желобки и углубления между зубцами продольного валика на других изделиях. Возможно, они использовались для обмазывания тем, что получалось в результате растирания, или каким-то иным составом. У нескольких изделий концы стержня и основания повреждены сколами, очевидно, вследствие дробления чего-то твердого. Это свидетельствует о том, что использование Г-образных предметов не было ограничено только растиранием растительных продуктов, и указывает на их неполную функциональную дифференцированность. У четырех изделий с поселения Самусь-4 на боковых и торцевой сторонах основания имеются дополнительно обработанные небольшие участки поверхности, слегка уменьшающие его ширину и длину в определенных местах (см. рис. 2). Вероятно, эти «стесы» связаны с подгонкой основания под какое-то жесткое крепление. Иным креплением может быть вызвана залощенность

внутреннего угла между стержнем и основанием еще одного изделия (см. рис. 1, 1). Видимо, при таком использовании основание располагалось вертикально, стержневой частью вверх (как это показано на рис. 2), и привязывалось к твердой основе; устойчивость положения предмета обеспечивала плоская грань, не позволявшая ему поворачиваться в стороны. Закрепленный таким образом предмет не мог применяться в хозяйственных целях. О неутилитарном использовании свидетельствуют также следы красной краски и сажи, сохранившиеся на ряде изделий.

Семантика и прагматика декора

Реконструировать семантику и ритуальную роль Г-образных предметов в древних культурах помогает их оформление. Ряд признаков стержня указывает на сходство с фаллосом: 1) овальное или округлое сечение; 2) иногда небольшой изгиб или наклон относительно основания; 3) утолщение в виде головки на верхнем конце; 4) продольный желобок сверху утолщения (см. рис. 5, 1); 5) оформление поверхности некоторых предметов поперечными желобками и валиками, сопоставимыми со складками кожи (см. рис. 1, 2). В пользу фаллической гипотезы свидетельствует также реконструируемый для ряда предметов способ крепления, при котором положение стержня сходно с положением фаллоса в состоянии эрекции. Можно предположить, что предметы с таким креплением использовались в качестве детали костюма лиц, исполнявших обрядовые функции. Аналоги известны в оформлении скульптуры эпохи бронзы из Туркмении (рис. 7, 1, 2) и Передней Азии [Массон, Сарияниди, 1973, рис. 9, 2]: у антропоморфных фигурок прямо под рельефным поясом наклеплен такой же рельефный фаллос.

У двух самусьских изделий верх стержня оформлен в виде головы человека. Из них наибольший интерес представляет предмет из пос. Дзержинского (см. рис. 1, 4). Черты лица, в частности массивность подбородка, позволяют считать изображенную на нем голову мужской, причем ее форма в горизонтальном сечении не соответствует реальной, т.к. ширина лица больше, чем затылка. Предположение, что показан искусственно деформированный череп [Ченченкова, 2004а, с. 320], не подкреплено аргументами. По нашему мнению, такая трактовка обусловлена желанием придать этой части предмета не только антропоморфные, но и фаллические черты. У одного изделия с поселения Самусь-4 окончание стержня изогнуто и напоминает голову животного (см. рис. 2, 2). В рамках самусьского искусства такая форма стержня соответствует форме головы лошади (вероятно, жеребца), изображенной на керамических сосудах [Есин, 2001, рис. 5]. Реалистичное изображение головы лошади

представлено на предмете, найденном возле горы Чека (см. рис. 5, 2). Не вполне ясные зооморфные формы, совмещенные с фаллическими признаками, имеют стержни изделий из окрестностей поселения Бестамак (возможно, голова барана [Ченченкова, 2000, с. 208]) и Коптяки-9 (возможно, голова птицы или змеи [Ченченкова, 2004б, с. 160]).

Аналогичный принцип совмещения фаллических признаков с антропоморфными или зооморфными (голова барана, коня, быка, медведя и др.) демонстрируют сибирские и центрально-азиатские каменные песты, терочники и «жезлы». У некоторых из них (в основном песты), как и у самусьских Г-образных предметов, изображение головы человека или животного совмещено с изображением головки фаллоса или замещает ее [Ченченкова, 2004а, № 83, 88], у других – размещено на противоположной части изделия [Там же, № 66], а в одном случае (ирский «жезл») две головы человека отождествляются с тестикулами [Там же, № 96]. Характерно, что эти находки имеют такую же изношенность (заполированность, сколы), как и Г-образные предметы. Не исключено, что некоторые из фаллических «жезлов» в процессе обряда могли затыкаться за пояс.

Совмещение на одной части предмета признаков фаллоса и головы человека или животного нарушает таксономические границы, противоречит формальной логике, но не особенностям человеческого мышления, способного создавать ассоциативные связи между объектами безотносительно к реальным сходству и различиям между ними. Реализацию таких связей в языке и тексте принято называть метафорой. Как изобразительную мифологическую метафору [Есин, 2005, с. 116–117; Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, с. 26–33] можно рассматривать и оформление стержня Г-образных предметов. В филологических науках, где теория метафоры наиболее разработана, в смысловой структуре метафоры предлагается выделять четыре компонента: основной и вспомогательный субъекты и их признаки, дающие основания для сравнения субъектов. Цель метафоры – охарактеризовать свойства основного субъекта при помощи сходных свойств вспомогательного. Понять метафору – значит найти сходство в некоторых признаках двух несовместимых объектов действительности [Шахнарович, Юрьева, 1988, с. 109–113; Арутюнова, 1998, с. 296]. Несмотря на отличие изобразительной мифологической метафоры от более поздней поэтической [Есин, 2005, с. 117], обусловленное спецификой архаического мышления, принцип ее интерпретации тот же. При этом важно учитывать, что для мифологических отождествлений особенно важное значение имели обобщения по действию, тесно связанные с чувственными качествами, неотделимыми от самих объектов. Анализируя с таких позиций оформление стержней самусьских Г-образных предметов, можно выделить

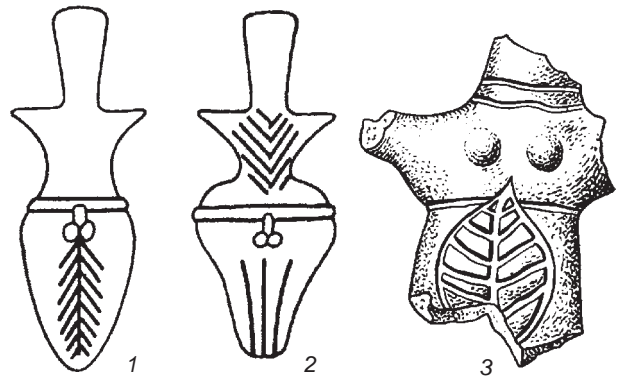

Рис. 7. Глиняные статуэтки из Туркмении и Причерноморья.

1, 2 – Туркмения [Массон, Сарияниди, 1973, рис. 8, Б],
3 – Причерноморье [Рыбаков, 1981, с. 182].

несколько метафор. Во-первых, это отождествление предмета с фаллосом. Во-вторых, совмещение изображений фаллоса и головы антропоморфного или зооморфного персонажа. Основание для первого отождествления – идентичность ритмичных возвратно-поступательных движений терочника при растирании и фаллоса во время полового акта. Особенно наглядно об этом свидетельствуют следы сработанности не только на плоской грани основания, но и на вершине стержня, порой имеющего фаллическую форму. Закрепление ассоциативной связи с фаллосом в оформлении Г-образного предмета является способом усиления у него соответствующего качества, важного для обрядовой сферы. Для интерпретации второй метафоры важно, что изображение фаллоса в состоянии эрекции олицетворяет важнейший для определенной ситуации признак мужчины – оплодотворяющую силу. Несомненно, такой силой обладал и совмещенный с ним образ человека или жеребца. По производительным силам жеребец превосходит человека. В ряде древних культур они оценивались как очень важное качество, а их обладатель мог обожествляться. Это, например, нашло отражение в древнеиндийском ритуале ашвамедха, в образе древнеиранского мифического жеребца Тиштрый. Оценить репродуктивные возможности антропоморфного персонажа сложнее, однако позиционное тождество с образом жеребца позволяет считать их также нерядовыми. На самусьских ритуальных сосудах изображения головы лошади всегда располагаются в приустьевом орнаментальном ярусе, соотношенном с небом [Есин, 2004, с. 18]. Видимо, совмещение фаллических признаков с антропоморфными или зооморфными нацелено на усиление мужской репродуктивной силы предмета через ее отождествление с образом связанного с небом мифологического персонажа (в образе жеребца или человека). Близкую магическую цель имело окра-

шивание Г-образных предметов: различные оттенки краски сопоставимы с цветом кожи и крови, поэтому окрашивание, видимо, было призвано наделить предмет жизненной силой.

Очень важно для интерпретации рассматриваемых изделий оформление основания предмета из пос. Держинского (см. рис. 1, 4). Сверху у него шесть пар наклонных желобков, которые сходятся под углом. Аналогичным образом, в виде прямой линии с отходящими от нее наклонными черточками, в самусьском искусстве изображались растения (рис. 8, 1), колос [Молодин, Глушков, 1989, рис. 25, 1]. Аналогичные по стилю изображения имеются в материалах афанасьевской [Грязнов, 1999, рис. 13, 5; 35, 4] и окуневской культур Минусинской котловины (рис. 8, 2), в искусстве древних земледельцев западных районов Центральной Азии (см. рис. 7, 1, 2) и т.д. В одном случае (окуневская культура) наклонные линии, отходящие от вертикальной, являются частью рисунка листа (см. рис. 8, 4). Эти аналоги, зеленый цвет и подтреугольная форма основания предмета из пос. Держинского позволяют интерпретировать его декор как растительный, что является дополнительным указанием на основной материал, который подвергался растиранию: скорее всего, он был растительного происхождения. Овальная ямка в нижней части изображения растения, противопоставленная утолщению на вершине стержня, с достаточно высокой степенью вероятности моделирует вульву. Такой же ямкой обозначен этот орган у

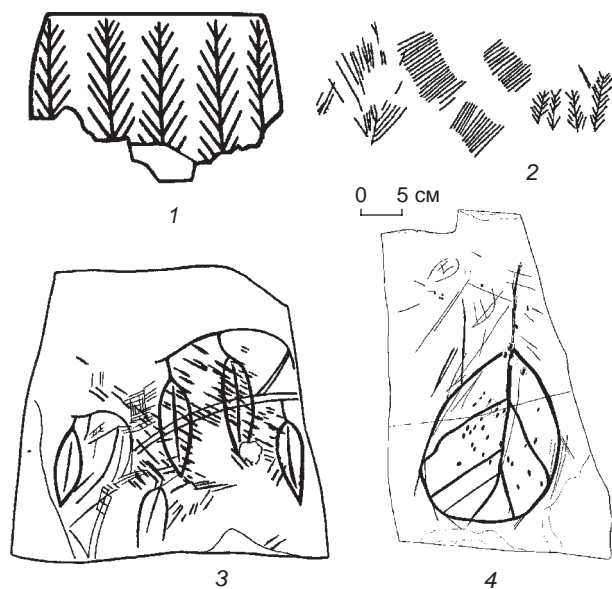

Рис. 8. Изображения растений в искусстве самусьской и окуневской культур.

1 – Верхний Сор-1 [Косарев, 1984, рис. 28, 1]; 2 – Черновая-8 [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, рис. 24, 1]; 3 – Минусинская котловина [Там же, рис. 24, 2]; 4 – Минусинская котловина (фонды ХНКМ).

изображения богини-матери из окуневского могильника Верхний Аскиз-1 [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, № 227]. В целом оформление основания отождествляет женское начало с растительным объектом. Оно сопоставимо с женскими статуэтками, на которых изображено растение, появляющееся из лона, широко представленными в древнеземледельческой скульптуре Евразии (см. рис. 7, 3 [Массон, Сарияниди, 1973, табл. III, 4; Погожева, 1983, рис. 27, 2; 30, 2]). Подобно композиции на Г-образном предмете из пос. Держинского, на некоторых антропоморфных фигурках эпохи бронзы из Туркмении сочетаются изображения растения и фаллоса (см. рис. 7, 1); порой растение представлено только прочерченными уголками (см. рис. 7, 2), что особенно близко декору основания самусьского предмета и стержня изделия с памятника Коптяки-9.

С женской и растительной темой связано оформление еще трех самусьских изделий, у которых на овальном в плане основании расположен продольный валик из треугольных выступов (см. рис. 2, 1). Это оформление, видимо, моделирует вульву. Например, сходным образом – в виде овала с продольной линией – изображался женский половой орган в близком по хронологии и изобразительному языку окуневском искусстве Минусинской котловины [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, рис. 20, 4, № 118]. Однако данная гипотеза в полной мере не объясняет деление валика на отдельные зубцы. Следует учесть, что валик из зубцов имеется на двух самусьских скульптурных изображениях головы [Ченченкова, 2004а, № 73, 74]. В этом контексте он может обозначать волосы, прическу. Однако и в данном случае смысл деления на зубцы неясен, а возможность переноса такого объяснения на зубцы у Г-образных предметов вызывает серьезные сомнения. Собственное (денотативное) их значение помогает понять другое сравнение: они могут быть сопоставлены с ритмичными наколами по бокам вертикальных линий на самусьских керамических сосудах, передающими листья или зерна [Боброва, 2000, рис. 6, 4; Матюшенко, 1973а, рис. 34, 5]. Кстати, схожим образом изображалась растительность и на керамике древних земледельцев Ирана, Туркмении [Кирчо, 1981, рис. 2, 1, 21]. Исходя из предлагаемого объяснения, валик из зубцов на основании Г-образных предметов можно интерпретировать как растительность, появляющуюся из женского лона, как отождествление женского лона и растения. Видимо, данная композиция в иной форме выражает то же содержание, что и основание предмета из пос. Держинского. Цель изобразительной метафоры на основании – акцентировать и усилить идею плодородия, отождествляя ее с воплощаемой растениями порождающей силой земли.

Отождествление мужской оплодотворяющей силы с небом, а женского плодородия с землей и растениями в древности было широко распространено. Такие

представления зафиксированы в индоевропейской мифологии. Как мать, рождающая растения после брака с небом, выступает земля в шумерских текстах. Олицетворением периодически воспроизводимого брака неба и земли в обоих случаях мог выступать дождь [Антонова, 1984, с. 23; Левинтон, 1994, с. 423]. Аналогичная мифологическая формула воплощена в окуневском искусстве. На плитках песчаника изображены ветви растения с листьями и серия коротких черточек и продолговатых ямок (см. рис. 8, 3, 4), которые в этом и других контекстах интерпретируются как капли и струи дождя [Леонтьев, 1984, с. 32; Есин, 1999, с. 142; Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, с. 68]. Заслуживает внимания изобразительная структура листьев на одной из плиток (см. рис. 8, 3), отличная от других окуневских рисунков растений, но идентичная изображению вульвы окуневской богини-матери. Противоречие между элементами, соединенными в одну композицию, указывает на метафорическое значение изображенного. Такое соединение порождает качественно новую информацию, раскрывает существовавшее в культуре ассоциативное отождествление растений с женским началом (растение могло выступать воплощением женского божества), а дождя и неба – с мужским. Языком метафор эта композиция рассказывает о браке неба и земли. С брачными отношениями в обрядово-магическом контексте, видимо, соотносились и возвратно-поступательные движения при растирании Г-образным предметом (пестом, «жезлом»), отождествляемым с фаллосом и соотносимым с мужским небесным божеством. Женское начало представлял растираемый объект растительного происхождения, воплощавший женское божество.

Обобщая все сказанное, можно констатировать, что у Г-образных предметов имеются признаки, связанные с несколькими объектами: фаллосом, вульвой, растением, головой человека и животного. По расположению на изделии эти признаки объединяются в две группы, одна из которых локализована на стержне, другая – на основании (см. *таблицу*). В целом Г-образные предметы совмещают в себе два плана содержания и два способа использования. Первый (доминирующий) смысловой и функциональный блок связан с представлением о мужской оплодотворяющей силе. Он проявляется в оформлении стержня, способе крепления на костюме, ритмичных возвратно-поступательных движениях предмета в процессе растирания, а также в ходе ритуального танца (в случае прикрепления на костюме). Другой (дополнительный) блок связан с растительной и женской темой. Он проявляется в оформлении основания, расположении основания на костюме, объекте растирания, предполагаемом заполнении овального углубления и желобков каким-то составом, что могло соотноситься с представлениями о плодородии и оплодотворении. Оба блока связаны

с идеей плодородия, поэтому их противопоставление на одном уровне снимается синтезом на другом. Объединение на одном предмете мужских и женских признаков не уникально; оно имеет параллели в антропоморфной скульптуре Туркмении [Антонова, 1977, с. 77; Риндюк, 1999, с. 35–38], Казахстана [Ченченкова, 2000, с. 198]. Также очень важно, что оформление Г-образных предметов ассоциативно связывает плодородность растительного, животного мира и человеческого коллектива. Видимо, именно представление о такой взаимосвязи человека и природы лежало в основе прагматики обрядового использования данных предметов и обеспечивало их магическую эффективность. Целью обряда было стимулирование плодородия и повышение жизнеспособности коллектива. Несомненно вариативность самого обряда, допускавшего тот или иной акцент в оформлении и применении предмета при сохранении смыслового и прагматического ядра.

Различные способы активного и пассивного использования Г-образных предметов (растирание растительного материала, обмазывание, прикрепление на костюм для исполнения танца, обжигание на огне) были элементами одного обряда. Многие из таких изделий найдены в очагах и представлены обломками [Матющенко, 1973б, с. 196]. Возможно, это свидетельствует о том, что в конце обряда или какого-то календарного обрядового цикла они были специально разрушены и брошены в огонь. Разбитые предметы Г-образной формы есть в материалах могильников Сопка-2 и Бестамак (во всех случаях представлены только основаниями), следовательно, их использовали и в погребальном обряде. Данный факт имеет параллель – использование в погребальном обряде многих культур терочников другой формы, пестов, жерновов, в т.ч. сломанных. Видимо, это указывает на связь терочников с представлениями о смерти и возрождении.

При раскопках поселения Самусь-4 зафиксирован набор из шести Г-образных предметов [Там же], что напоминает жертвенные комплексы из нескольких пестов, терочников, «жезлов», известные в елуинской, окуневской и других культурах. Более поздний вариант подобного явления – песты фаллического облика и курант зернотерки, найденные у основания «оленного камня» в Горном Алтае. При этом сам «оленный камень» является изображением мифологического мужского персонажа (покровителя коллектива), одной из функций которого было дарование плодородности [Кубарев, 1979, с. 19–20, 86]. Очень важно, что на конце куранта выбиты три наклонные линии, такие же, как на месте лица божества у «оленных камней». По своей роли они сопоставимы с изображением головы человека на стержне изделия Г-образной формы из пос. Дзержинского, а может быть, и с двумя наклонными линиями на зооморфной головке уральского предмета (см. рис. 5, 3).

Обнаружение Г-образного изделия в неординарном («шаманском») мужском погребении неолитического могильника Солонцы-5 указывает, что главным действующим лицом в обрядах с использованием таких предметов мог быть мужчина. Далеким отголоском подобного обряда, возможно, является обряд плодородия, посвященный духу-предку Кочо-кану, зафиксированный у северных алтайцев.

Заключение

Проведенное исследование Г-образных предметов демонстрирует возможность рассмотрения их в одном ряду с пестами, «жезлами» и терочниками различных культур эпохи неолита – бронзы Северной и Центральной Азии. Сходство проявляется в обрядовой функции, принципах декорирования, а порой и в изобразительных элементах. Оно может указывать на близость обрядов, магических представлений, художественных приемов и мифологических образов у создававшего их населения. В значительной мере сходство объясняется функцией этих предметов, связанной с их генезисом на базе недифференцированных орудий для растирания и дробления. Отличия в форме изделий и изобразительных элементах отражают различия культурных традиций и мифологических представлений. Предложенное в работе решение проблем, связанных с Г-образными предметами, – результат изучения их внутренних информативных возможностей и контекстов бытования. Представляется, что проведение конкретных исследований с позиции такого подхода – важный аргумент в дискуссии о теоретических перспективах интерпретации изображений бесписьменных обществ, развернувшейся на страницах журнала.

Список литературы

- Аванесова Н.А.** Случайные находки эпохи бронзы из фондов госмузея-заповедника Самарканд // У истоков цивилизации: Сб. ст. к 75-летию Виктора Ивановича Сарияниди. – М.: Старый сад, 2004. – С. 405–414.
- Антонова Е.В.** Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. – М.: Наука, 1977. – 227 с.
- Антонова Е.В.** Божества земли и растений в представлениях древних обитателей Средней Азии и Двуречья // Информ. бюл. Международ. ассоциации по изучению культур Центральной Азии. – М., 1984. – Вып. 7. – С. 18–27.
- Арутюнова Н.Д.** Метафора // Языкознание: Большой энциклопедический словарь. – М.: Большая рос. энцикл., 1998. – С. 296–297.
- Балакин Ю.В., Шерстобитова О.С.** Семантика изделий фаллической формы в связи с бронзолитейной традицией культур лесостепной полосы Западной Сибири в бронзовом веке // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы XIII Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2005. – С. 59–60.
- Боброва А.И.** Поселение Самусь IV (материалы к каталогу археологических коллекций Томского областного краеведческого музея) // Тр. Музея г. Северска. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2000. – Вып. 1. – С. 19–31.
- Вальков Д.В.** О «фаллических формах» на поселениях эпохи поздней бронзы // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южно-русских степей. – Саратов: Саратов. гос. пед. ин-т, 1997. – С. 109–112.
- Грушин С.П.** Комплексы эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья и проблема формирования сейминско-турбинских традиций Северной Евразии // Шестые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск: Ом. гос. ун-т, 2004. – С. 158–161.
- Грязнов М.П.** Афанасьевская культура на Енисее. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – 136 с.
- Грязнов М.П., Комарова М.Н.** Афанасьевская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 20–27.
- Гусев С.В.** Фаллос в шаманской атрибутике народов таежной зоны и тундры (археологический и этнографический аспект) // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ин-та, 1999. – С. 226–228.
- Дмитриев П.А.** К вопросу о земледелии в восточноуральском родовом обществе // Изв. Гос. академии истории материальной культуры. – 1935. – Вып. 106. – С. 206–219.
- Дремов В.А.** Антропологические материалы из могильников Усть-Иша и Иткуль (к вопросу о происхождении неолитического населения Верхнего Приобья) // Палеоантропология Сибири. – М.: Наука, 1980. – С. 19–46.
- Дремов В.А.** О родственных связях населения Среднего Прииртышья в эпоху бронзы // Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск: Ом. гос. ун-т, 1984. – С. 14–21.
- Дремов В.А.** Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы (антропологический очерк). – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1997. – 254 с.
- Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К.** Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. – 2005. – № 4. – С. 92–102.
- Есин Ю.Н.** Биконические фигуры в древнем искусстве Сибири (по материалам самусьской и окуневской культур) // Тр. Междунар. конф. по первобытному искусству. – Кемерово: Никалс, 1999. – Т. 1. – С. 139–147.
- Есин Ю.Н.** Семантика декора на сосудах самусьской культуры // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2001. – № 7. – С. 39–54.
- Есин Ю.Н.** Искусство самусьской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2004. – 22 с.
- Есин Ю.Н.** О некоторых проблемах интерпретации изображений эпохи бронзы Центральной и Северной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 2 (22). – С. 114–128.
- Кирчо Л.Б.** Погребальный обряд и культурные традиции (по материалам южно-туркменских погребений периода ранней бронзы) // КСИА. – 1981. – Вып. 167. – С. 28–35.

- Кирюшин Ю.Ф.** Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – 294 с.
- Кирюшин Ю.Ф.** Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – 294 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л.** Многослойное поселение Тыткескень-6 на Катунь // Археология Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1994. – С. 111–123.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х.** Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000. – 117 с.
- Колбина А.В., Логвин А.В., Шевнина И.В., Калиева С.С.** Доандроновские погребения могильника у поселения Бестамак // Современные проблемы археологии России. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 1. – С. 396–398.
- Косарев М.Ф.** Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 278 с.
- Косарев М.Ф.** Западная Сибирь в древности. – М.: Наука, 1984. – 245 с.
- Кубарев В.Д.** Древние изваяния Алтая (оленные камни). – Новосибирск: Наука, 1979. – 120 с.
- Кунгурова Н.Ю.** Материалы могильника Солонцы-5 (к проблеме этнокультурных связей носителей кузнецко-алтайской культуры) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 2 (14). – С. 30–40.
- Ларин О.В., Кунгурова Н.Ю., Степанова Н.Ф.** Поселение афанасьевской культуры Нижняя Соору // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1998. – С. 67–72.
- Левинтон Г.А.** Священный брак // Мифы народов мира. – М.: Рос. энцикл., 1994. – Т. 2. – С. 422–423.
- Леонтьев Н.В.** К вопросу о земледелии у племен окуневской культуры и его отражении в искусстве // Вопросы древней истории Южной Сибири. – Абакан: ХакНИИЯЛИ, 1984. – С. 27–34.
- Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н.** Изваяния и стелы окуневской культуры. – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2006. – 236 с.
- Массон В.М., Сарияниди В.И.** Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. – М.: Наука, 1973. – 256 с.
- Матющенко В.И.** Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1973а. – Ч. 2: Самусьская культура. – 212 с. – (Из истории Сибири; вып. 10).
- Матющенко В.И.** Некоторые новые материалы по самусьской культуре // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М.: Наука, 1973б. – С. 191–198.
- Матющенко В.И., Шерстобитова О.С.** О месте самусьской мелкой пластики в системе районов изобразительного творчества эпохи неолита и ранней бронзы Евразии // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. – СПб.: СПб. гос. ун-т, 2004. – С. 223–226.
- Молодин В.И.** Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 174 с.
- Молодин В.И.** Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.
- Молодин В.И.** Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 1. – 128 с.
- Молодин В.И., Глушков И.Г.** Самусьская культура в Верхнем Приобье. – Новосибирск: Наука, 1989. – 167 с.
- Новгородова Э.А.** Древняя Монголия. – М.: Наука, 1989. – 383 с.
- Ожередов Ю.И.** Сакральные стрелы южных селькупов // Приобье глазами археологов и этнографов. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1999. – С. 77–119.
- Окладников А.П.** К проблеме культурных контактов между племенами Дальнего Востока и Прибайкалья в неолитическое время: каменные песты из долины Зеи // Зап. Амур. обл. музея краеведения. – Благовещенск: Хабар. кн. изд-во, 1970. – Т. 6, вып. 2. – С. 3–7.
- Погожева А.П.** Антропоморфная пластика Триполья. – Новосибирск: Наука, 1983. – 145 с.
- Пяткин Б.Н., Миклашевич Е.А.** Сейминско-турбинская изобразительная традиция: пластика и петроглифы // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. – М.: Наука, 1990. – С. 146–153.
- Риндок Н.В.** Основные группы антропоморфной пластики древних земледельцев Евразии // АСГЭ. – 1999. – Вып. 34. – С. 34–43.
- Рыбаков Б.А.** Язычество древних славян. – М.: Наука, 1981. – 182 с.
- Семенов С.А.** Каменные орудия эпохи ранних металлов // СА. – 1969. – № 2. – С. 3–14.
- Сенчилов А.П.** Геометрический орнамент эпохи бронзы (проблемы локальной идентификации). – Белово: [Б.и.], 2000. – 146 с.
- Славин В.Д.** Некоторые аспекты развития ранних форм религии в лесном Приобье в эпоху металла // Этнокультурная история населения Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1978. – С. 13–25.
- Спицын А.** Археологический альбом // Зап. Отд-ния рус. и славян. археологии Имп. Рус. археол. об-ва. – Пг., 1915. – Т. 11. – С. 225–250.
- Хлопин И.Н.** Афанасьевская культура (историческое содержание) // Грязнов М.П. Афанасьевская культура на Енисее. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – С. 71–84.
- Ченченкова О.П.** Древняя скульптура Западной Сибири: Автореф. дис. ... канд. искусствовед. – СПб., 1995. – 26 с.
- Ченченкова О.П.** Западносибирская скульптура: вещь, знак, символ // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. – СПб.: Петро-РИФ, 2000. – С. 194–212.
- Ченченкова О.П.** Каменная скульптура лесостепной Азии эпохи палеометалла III – I тыс. до н.э. – Екатеринбург: Тезис, 2004а. – 336 с.
- Ченченкова О.П.** Песты из коллекции Свердловского областного краеведческого музея (в сравнении с каменной скульптурой западно-сибирской лесостепи) // Четвертые Берсовские чтения. – Екатеринбург: АКВА-ПРЕСС, 2004б. – С. 156–173.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В.** Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). – М.: Наука, 1989. – 320 с.
- Шахнарович А.М., Юрьева Н.М.** К проблеме понимания метафоры // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 108–118.